О РУССКИХЪ ГЛАГОЛАХЪ.

Константина Аксакова.

МОСКВА.
ВЪ ТИПОГРАФІИ Л. СТЕПАНОВОЙ.
1855.

ПРОВ. 1954

ФУНДАМЕНТАЛЬНАЯ БИБЛИОТЕКА Общественных Наук Академии Наук СССР

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. Москва. Апрѣля 8 дня 1855 года.

Цензоръ Статскій Совѣтникъ *Федоровъ*.

Институт литературы им. М. Горького

36-18683

А. С. ХОМЯКОВУ.

Посвящаетъ сочинитель.

О РУССКИХЪ ГЛАГОЛАХЪ.

О Русскихъ глаголахъ было писано много, но вопросъ доселѣ остается не рѣшеннымъ, доселѣ пониманіе еще не уравнялось съ предметомъ, — и глаголы нашего языка остаются во всей своей не покорной самостоятельности, не поддающейся теоретическимъ объясненіямъ.

Между замѣчательными сочиненіями, по этой части, мы можемъ назвать разсужденіе г. Шафранова, не такъ давно вышедшее «О видахъ Русскихъ глаголовъ въ синтаксическомъ отношеніи». Сочиненіе г. Шафранова раздѣлено на двѣ части; въ первой разсматриваетъ онъ разныя мнѣнія о Русскихъ глаголахъ; во второй—излагаетъ свои. Нисколько не соглашаясь съ разсужденіемъ автора, мы весьма ему благодарны за сводъ мнѣній о Русскихъ глаголахъ, мнѣній, изъ которыхъ нѣкоторыя уже и позабыты. Самъ же авторъ придерживается, въ общемъ смыслѣ по крайней мѣрѣ, теорій Ломоносова и Востокова.

И Русскіе, и Нѣмцы пытались объяснить Русской глаголъ, но доселѣ безуспѣшно. Нѣтъ сомнѣнія, что иностранцамъ трудно постигнуть языкъ, имъ чуждый;

особенно Нѣмцамъ трудно постигнуть языкъ Русской: но едва ли легче понять его и Русскому, руководимому иностранными воззрѣніями вообще, хотя бы онъ и не былъ послѣдователемъ именно того или другаго иностранца. Не въ томъ главное дѣло, иностранецъ ли по происхожденію сочинитель, но въ томъ, иностранецъ ли онъ по воззрѣнію. Порода значитъ все въ мірѣ природы, но въ мірѣ человѣка есть нѣчто выше породы: это духъ. Если иностранецъ пріобщится Русскому духу, я, не обинуясь, назову его Русскимъ, а Русскаго, пріобщившагося духу иностранному, — иностранцемъ. Не лишнимъ считаемъ сказать здѣсь эти слова, хотя онѣ имѣютъ лишь отдаленное примѣненіе къ теоріямъ Фатера и Таппе. — Великій Ломоносовъ, а также и извѣстный нашъ ученый Востоковъ наложили на нашъ языкъ готовую рамку временъ, взятую изъ иностранныхъ языковъ, Греческаго и Латинскаго, и только видоизмѣнили ее, примѣняя къ языку родному. Между тѣмъ Фатеръ и Таппе чувствовали, что для языка Русскаго иностранное воззрѣніе не годится, что для него нужно особое объясненіе, особая точка зрѣнія, и старались ее отыскать; конечно, они не нашли ее, но и то уже, что почувствовали ея потребность, что искали ее, составляетъ въ глазахъ нашихъ не маловажную услугу. Слова наши относятся и къ Русскимъ, ихъ послѣдователямъ, также и къ извѣстному Филологу протоіерею Павскому, до сихъ поръ не оцѣненному вполнѣ по заслугамъ. Всѣ они, какъ думаемъ мы, близко проходили мимо истины, и справедливость требуетъ признать это (*).

(*) Справедливость требуетъ также указать на разсужденіе г. Каткова: «объ элементахъ и формахъ Славяно-Русскаго языка»; гдѣ онъ вы-

Такимъ образомъ, теоріи о Русскихъ глаголахъ раздѣляются на двѣ противуположности: Ломоносовъ и вслѣдъ за нимъ Востоковъ строятъ цѣлую обширную систему временъ изъ нашего глагола, при чемъ, для означенія временъ, пользуются и сложными глаголами. Фатеръ и Таппе напротивъ раздѣляютъ спряженіе, такъ что, по ихъ мнѣнію, глагольныя формы, напр. *двигну, двигаю, двигивалъ*, — суть особые глаголы. Эта мысль и есть, какъ думаемъ мы, предчувствіе истины, за которое должно сказать спасибо ученымъ Нѣмцамъ. Нѣкоторые теоретики, сливая эти глагольныя формы, съ присоединеніемъ даже иныхъ предложныхъ, въ одно спряженіе, богатое временами, — быть можетъ думаютъ, что это служитъ къ чести Русскаго языка, что де не только въ языкахъ чуждыхъ, но и у насъ есть полное спряженіе, что нашъ языкъ въ этомъ имъ не уступаетъ, что у насъ, у одного и того же глагола, есть всѣ времена.—Но здѣсь, по нашему мнѣнію, видны ошибочное чувство и ошибочная мысль. Развѣ только въ томъ состоитъ честь и слава, чтобы повторить у себя чужое, чтобы пройдти по чужой дорогѣ не хуже другихъ? Развѣ нельзя идти по своей дорогѣ, развѣ нельзя, не имѣя чужаго, имѣть вмѣсто него *свое*, совершенно особенное, отличное отъ всѣхъ? Развѣ это свое не можетъ быть еще лучше, еще достойнѣе, и развѣ тогда не больше славы? Но какъ бы то ни было, мы должны руководиться, при нашихъ изслѣдованіяхъ, не тѣмъ, чтобы стараться отыскать у насъ всѣ чужія особенности, какъ бы по видимому онѣ ни были хороши—въ этомъ случаѣ мы впадемъ въ ошибку, чему

сказалъ нѣсколько прекрасныхъ соображеній о Русскомъ глаголѣ, къ сожалѣнію очень краткихъ. Мы приводимъ изъ него выписку въ приложеніяхъ. N 1.

примѣръ всѣ наши грамматики; — а тѣмъ, чтобы безпристрастно отыскать и узнать свое, какое бы оно ни было—тогда мы придемъ къ истинному взгляду. А это свое сверхъ того можетъ быть еще несравненно выше чужаго. Въ первомъ стремленіи видна зависимость, видно невольное сознаніе чужаго превосходства надъ собою, сознаніе, которое спѣшитъ сказать иностранцамъ: «и мы такіе же, какъ вы». Но во второмъ воззрѣніи именно есть независимость, есть сознаніе самостоятельности, которая не боится сказать иностранцамъ: «нѣтъ мы совсѣмъ другіе, чѣмъ вы». Высказать здѣсь наше мнѣніе, также, думаемъ мы, не мѣшаетъ. Это желаніе, это странное, жалкое самолюбіе найдти все чужое у себя, это недовѣріе къ собственной самостоятельной Русской жизни, сбивало досель всѣ воззрѣнія науки у насъ; но теперь пришла иная пора. Мы не боимся быть непохожими на нашихъ западныхъ сосѣдей; мы не боимся быть собою,— и по этому настало время для науки обратиться къ самому Русскому языку, къ самой Русской исторіи и прочимъ областямъ знанія, — и обратиться со взглядомъ яснымъ, безъ иностранныхъ очковъ, съ вопросомъ искреннимъ, безъ приготовленнаго заранѣе отвѣта,— и выслушать открытымъ слухомъ отвѣтъ, какой даютъ Русской языкъ, Русская исторія и пр.

И такъ постараемся обратиться теперь къ самому языку нашему и именно къ глаголу и посмотримъ, какой получимъ отвѣтъ.

При первомъ взглядѣ мы замѣчаемъ, что Русской глаголъ управляется съ категоріею времени совершенно самостоятельно и вовсе не похоже на глаголы другихъ языковъ. — Если мы вздумаемъ искать времянъ, извѣстныхъ намъ изъ иностранныхъ грамма-

тикъ, — мы останемся неудовлетворенными. Въ самомъ дѣлѣ, прежде всего поражаетъ насъ то, что прошедшаго времени въ нашемъ языкѣ нѣтъ вовсе. Русской языкъ не считаетъ дѣйствія прошедшаго за дѣйствіе. Вмѣсто формы глагола въ прошедшемъ времени, встрѣчается у насъ отглагольное прилагательное или причастіе прошедшее, переходящее, какъ это извѣстно, въ чистое прилагательное: *былъ—былой, служилъ—служилый.* Это подтверждается и древнею формою: *былъ есмь. Я служилъ* значитъ собственно: *я есмь служилый*, также какъ: *я добръ*, значитъ: *я есмь добрый.* Намъ скажутъ, что здѣсь есть оттѣнокъ: такъ; но одно употребленіе придаетъ оттѣнокъ; напр. *онъ унылъ*; выраженіе это можетъ имѣть оба оттѣнка: *онъ унылъ покуда*, т.-е. *онъ унылый*, или: *онъ отъ неудачи не унылъ*, т.-е. *не сталъ унывать.* Выраженіе совершенно одно и тоже, и вся небольшая разница зависитъ отъ *употребленія;* передъ нами же, на самомъ дѣлѣ, — отглагольное прилагательное, и только; а формы прошедшаго времени у насъ нѣтъ.

Остается настоящее и будущее; но и здѣсь мы безпрестанно затруднены употребленіемъ временъ. — Будущее принимаетъ такой видъ, что будущимъ назвать его нельзя. Для примѣра возьмемъ здѣсь слѣдующую рѣчь (*): «Всякой день проходилъ у насъ однообразно: *я подойду* къ его двери, *стукну* раза два; онъ *отво-*

(*) Какъ часто употребляется будущее съ выраженіемъ: бывало; напримѣръ: *какъ бывало я слду.* Г. Шафрановъ (какъ это видно изъ его словъ: стр. 92, 93) считаетъ, хотя и ошибочно, «бывало» какимъ-то особеннымъ выраженіемъ, дающимъ право глаголамъ стать въ формѣ будущаго; а такъ-какъ можетъ быть это станутъ утверждать и другіе,—то мы приводимъ нарочно другіе примѣры для доказательства, что такое употребленіе вовсе не происходитъ отъ словечка *бывало.*

ритъ, скажетъ мнѣ: здравствуй и потомъ *пойдетъ* со мною вмѣстѣ» и проч. Въ этомъ примѣрѣ будущее употребляется, какъ прошедшее: я разсказываю о томъ, что было. Странное же будущее! Мало того: я могу перемѣнить время разсказа; вмѣсто: *всякой день проходилъ*, я могу сказать: *проходитъ, будетъ проходить*,— и то же будущее, та же рѣчь вполнѣ возможна. Иногда времена еще болѣе перемѣшаны, напримѣръ: «онъ не много теряетъ часовъ на разговоры, каждое утро онъ скажетъ мнѣ: здравствуй, и пошелъ себѣ заниматься, и т. дал.». Гдѣ же здѣсь опредѣленіе времени? Оно ускользаетъ и, какъ видно, здѣсь въ глаголѣ опредѣляется что-то другое. Такое употребленіе часто встрѣчается въ нашемъ языкѣ: въ народныхъ нашихъ пѣсняхъ оно выступаетъ еще ощутительнѣе, напримѣръ:

И *поѣхалъ* Дунай ко князю Владиміру,
И *будетъ* у князя на широкомъ дворѣ,
И *скочили* съ добрыхъ коней съ молодой женой.

Здѣсь *будетъ* не означаетъ будущаго. Здѣсь нѣтъ того смысла, что Дунай еще будетъ у князя на дворѣ, какъ понялъ бы иностранецъ; здѣсь тотъ смыслъ, что онъ уже середи двора. Но гдѣ же тутъ будущее? Очевидно, здѣсь нѣтъ будущаго времени. Но вотъ примѣръ употребленія т. н. будущаго въ настоящемъ: «посмотрите, что дѣлаетъ заяцъ: прыгнетъ и приляжетъ, прыгнетъ и приляжетъ».—Но къ чему приводить много примѣровъ; стоитъ только обратить вниманіе на нашу собственную рѣчь, и подобные примѣры будутъ встрѣчаться безпрестанно: «какъ кинется, какъ побѣжитъ», или: «все тихо: волна не подымется, листокъ не шелохнетъ». Послѣ такого, чисто Русскаго, свойства языка мы необходимо должны придти къ заключенію, что

формы глагола, часто *употребляемыя* для выраженія будущаго, не могутъ назваться формами будущаго времени, ибо часто употребляются и въ прошедшемъ и въ настоящемъ. Вѣрнѣе будетъ, если мы скажемъ, что эти т. н. будущія формы глагола — независимы отъ времени. Слѣдовательно, въ Русскомъ глаголѣ нѣтъ формы будущаго времени. Какое же время есть въ Русскомъ глаголѣ? Одно настоящее? Но настоящее одно, безъ понятія прошедшаго и будущаго, не есть уже время: это безконечность. Безконечности опять не могутъ выражать Русскіе глаголы, выражая дѣйствія, непремѣнно являющіяся подъ конечными условіями міра. Слѣдовательно и т. н. настоящее Русскаго глагола — *независимо отъ времени*, высказываетъ не время, а нѣчто другое. И такъ, мы должны придти къ заключенію, что ни одна глагольная форма, въ нашемъ языкѣ времени не означаетъ. Очевидно, что самая категорія времени теряется. Но, между тѣмъ, что-нибудь да выражаетъ же Русской глаголъ своими формами и, какъ-нибудь, да даетъ же знать о времени. Что же онъ выражаетъ?

Откинувъ несвойственную Русскому глаголу категорію времени, которая можетъ сбивать и постоянно сбиваетъ нашихъ грамматиковъ, обратимся къ самому языку нашему. Всего лучше въ этомъ случаѣ взять всѣ формы нашего глагола въ томъ видѣ, въ которомъ всѣ они могутъ употребляться, т.-е. въ видѣ *отглагольнаго имени* или иначе *неопредѣленнаго наклоненія*. Приведемъ для перваго примѣра глаголъ: *двигать, двигнуть, двигивать*. Сейчасъ видимъ, что эти формы выражаютъ не время, но качество дѣйствія. Вникнемъ ближе, и мы увидимъ, что здѣсь опредѣляется самое дѣйствіе въ его существенныхъ проявленіяхъ, въ его *моментахъ*, если

употребить на сей разъ это слово въ философскомъ смыслѣ. Постараемся разсмотрѣть ихъ. Дѣйствіе, въ первомъ своемъ видѣ, является общимъ, неопредѣленнымъ; такая степень дѣйствія выражается общею формою: *двигать* (*). Переходя въ дѣйствительность, проявляясь и опредѣляясь съ тѣмъ вмѣстѣ, дѣйствіе является какъ одинъ моментъ, живой *моментъ* его перехожденія въ дѣйствительность (за предѣлами этого мгновенія, оно является, въ пониманіи, или дѣйствіемъ общимъ, неопредѣленнымъ, или уже совершившимся, и потому не дѣйствіемъ). Эта степень дѣйствія, степень его осуществленія, схваченнаго въ самый *мигъ* его проявленія, выражается формою: *двигнуть*.—Но одинъ такой моментъ, повторяясь, образуетъ цѣлый рядъ уже проявившихся, отдѣльныхъ, опредѣленныхъ моментовъ, гдѣ дѣйствіе перестаетъ быть дѣйствіемъ, гдѣ оно является совершившимся. Этотъ рядъ отдѣльныхъ моментовъ въ свою очередь безконеченъ и является, какъ неопредѣленное множество. Онъ выражается особою формою: *двигивать*.

И такъ, при первомъ взглядѣ, въ Русскомъ глаголѣ видимъ: 1) *дѣйствіе, какъ общее*, дѣйствіе не опредѣленное; 2) *дѣйствіе, какъ моментъ*, дѣйствіе въ минуту своего осуществленія, и наконецъ отсюда 3) *дѣйствіе, какъ моменты*, какъ неопредѣленный рядъ опредѣленныхъ осуществленій или моментовъ. Вотъ три степени дѣйствія, которыми обозначается весь общій ходъ его проявленія!

Глаголъ въ Русскомъ языкѣ выражаетъ самое дѣйствіе, его сущность. Отъ качества дѣйствія дѣлается уже заключеніе о времени. Поэтому и формами гла-

(*) Далѣе надѣемся изложить это яснѣе.

гола обозначается самое дѣйствіе, время же въ немъ есть дѣло употребленія; это употребленіе основано на соотвѣтствіи глагольныхъ формъ съ временами. Неопредѣленное дѣйствіе, съ точки зрѣнія времени, естественно является неопредѣленно продолжающимся; поэтому *двигать* образуетъ *время настоящее*. Дѣйствіе, какъ мгновеніе, напротивъ длиться не можетъ, слѣдовательно не можетъ быть настоящимъ; понятое въ минуту своего проявленія, оно является мгновенно наступающимъ, и потому, относительно времени, принимается и употребляется, какъ будущее время, напр: *двигну*.— Это понятно: если дѣйствіе, какъ мгновеніе, не можетъ проявиться въ настоящемъ; то, само собою разумѣется, оно можетъ проявиться только въ будущемъ или прошедшемъ; но прошедшее (о чемъ надѣемся опять сказать ниже) уже не есть дѣйствіе, не есть глаголъ;— стало быть, остается одно будущее. Такъ какъ въ Русскомъ глаголѣ (что уже было замѣчено выше) главное дѣло—опредѣленіе самаго дѣйствія, а время есть только выводъ, заключеніе, то поэтому дѣйствіе, и неопредѣленное и мгновенное, выражается независимо отъ времени (примѣры см. выше), придавая такую жизнь и силу Русской рѣчи и ставя въ недоумѣніе нашихъ филологовъ. —Что касается до прошедшаго дѣйствія, то оно не есть дѣйствіе по понятію Русскаго языка, и это очень вѣрно. Въ самомъ дѣлѣ, какъ скоро дѣйствіе прошло, гдѣ же дѣйствіе? его нѣтъ; — остается тотъ, кто совершилъ дѣйствіе, предметъ, изъ котораго проистекло оно и въ которомъ пребывало; въ такомъ случаѣ все значеніе дѣйствія переходитъ на предметъ, дѣйствительно или отвлеченно представляемый, и становится уже *качествомъ предмета* или прилагательнымъ. Поэтому прошедшее время въ нашемъ языкѣ не

имѣетъ соотвѣтственной глагольной формы, но форму отглагольнаго прилагательнаго или причастія. — Всѣ степени или моменты дѣйствія имѣютъ, какъ и слѣдуетъ, свое прошедшее; ибо всякое дѣйствіе можетъ перестать; поэтому всѣ формы глагола, выражающія эти степени, имѣютъ отъ себя форму прошедшаго, — отглагольное прилагательное (*двигалъ, двигнулъ, двигивалъ*). Дѣйствіе же, какъ рядъ моментовъ (*двигивать*) необходимо является только въ прошедшемъ (*двигивалъ*). Въ настоящемъ оно не можетъ быть представлено; ибо дѣйствіе *опредѣленное*, дѣйствіе, какъ осуществленные моменты, не можетъ длиться, не можетъ быть въ настоящемъ, которое, какъ скоро оно понято не отвлеченно, а дѣйствительно,—не существуетъ; оно есть только невидимый рѣзецъ, дѣлящій дѣйствіе на прошедшее и будущее (*). Въ будущемъ дѣйствіе, какъ рядъ моментовъ, также представлено быть не можетъ; ибо дѣйствіе грядущее или наступающее, выходящее изъ неопредѣленности, является при выраженіи всегда, какъ одинъ моментъ: о не выразившемся слѣдующемъ моментѣ мы говорить еще не можемъ, ибо его еще нѣтъ; онъ таится въ безразличной отвлеченной силѣ дѣйствія. Рядъ моментовъ можетъ образоваться тогда, когда является рядъ выраженныхъ, слѣдовательно совершившихся, бывшихъ, *прошлыхъ* моментовъ. Поэтому дѣйствіе, какъ рядъ моментовъ, понимается и употребляется, относительно времени, только какъ прошедшее и, слѣдовательно въ глаголѣ, не имѣя собственно глагольной формы, имѣетъ только форму прошедшаго, т.-е. форму отглагольнаго прилагательнаго, напр. *двигивалъ*.

И такъ, уже съ перваго взгляда видно, что Русской

(*) См. Прибавленія N 2.

языкъ совершенно особенно и самостоятельно образовалъ глаголъ. Языкъ нашъ обратилъ вниманіе на внутреннюю сторону или качество дѣйствія, и отъ качества уже вывелъ, по соотвѣтствію, заключеніе о времени. — Такой взглядъ несравненно глубже взгляда другихъ языковъ (*). Вопросъ качества, вопросъ: *какъ?* есть вопросъ внутренній и обличаетъ взглядъ на сущность самаго дѣйствія; вопросъ времени, вопросъ: *когда?* есть вопросъ поверхностный и обличаетъ взглядъ на внѣшнее проявленіе дѣйствія. Я нисколько не завидую другимъ языкамъ и не стану натягивать ихъ поверхностныхъ формъ на Русской глаголъ (**).

И такъ, временъ въ Русскомъ глаголѣ вовсе нѣтъ. Каждая форма глагола, выражая опредѣленіе самаго существа дѣйствія, имѣетъ только отношеніе къ соотвѣтствующему, приличному ей, времени. Форма глагола неопредѣленная относится ко времени настоящему, форма мгновенная—къ будущему, форма многомгновенная—только къ прошедшему. Прошедшее, какъ прекратившееся дѣйствіе и потому уже не какъ глагольная форма, а отглагольное прилагательное, идетъ ко всѣмъ формамъ глагола; но при послѣдней оно исключительно.

(*) Говоря о языкѣ Русскомъ, мы не исключаемъ другихъ Славянскихъ языковъ. Въ какой мѣрѣ встрѣчается въ нихъ тоже устройство, этого теперь мы не разсматриваемъ.

(**) Отрицательный оборотъ повелительнаго доказываетъ съ своей стороны качественность, такъ сказать, нашего глагола. При обыкновенномъ строѣ рѣчи нельзя сказать: *не стукни*, ибо само дѣйствіе еще не явилось, слѣд. можетъ быть понято только неопредѣленно: *не стучи, не стукай*. Но какъ скоро выступаетъ мгновенность значенія, то однократный видъ сейчасъ становится возможнымъ: *не стукни какъ-нибудь, ты смотри не стукни* т.-е. не стукни нечаянно, или не вздумай стукнуть.

Вотъ наша общая мысль о Русскомъ глаголѣ. Вопросъ о временахъ устранялся. Поэтому, съ одной стороны, мнѣніе наше противоположно мнѣнію послѣдователей Ломоносова, принявшихъ столько временъ въ Русскомъ глаголѣ, и отъ того смѣшавшихъ въ немъ опредѣленія самаго дѣйствія. Съ другой — опровергается мнѣніе Фатера, Таппе и ихъ послѣдователей, раздѣлявшихъ спряженіе на отдѣльные глаголы и сохранявшихъ категорію времени.—Нѣтъ, всѣ эти формы,—формы одного и того же глагола, но формы не времени, а качества дѣйствія; понятіе же времени, какъ сказано, есть выводное изъ качества дѣйствія.

Мы выразили нашу мысль, но намъ предстоитъ изложить ее послѣдовательнѣе и подробнѣе и, хотя въ общихъ чертахъ, указать на самыя формы глагола и на употребленіе этихъ формъ.

Въ Русскомъ языкѣ имя удивляетъ своею, даже внѣшнею, правильностію, своимъ стройнымъ порядкомъ, простотою и ясностію. Глаголъ напротивъ отличается своимъ разнообразіемъ, своимъ, по видимому, произволомъ и прихотью.—Не можемъ не видѣть здѣсь логической основы.

Міръ дѣйствія представляетъ иное начало, чѣмъ міръ предмета, гдѣ все получило внѣшній, опредѣленный образъ. Дѣйствіе есть сила внутренняя, движущая. Здѣсь возникаетъ личное, такъ сказать, психическое начало: оно производитъ столько разновидныхъ, измѣняющихся проявленій, оно не подчиняется общимъ условіямъ, не сводится къ одному спокойному знаменателю, но постоянно живетъ и волнуется. Чтобы найдти основу измѣнчивыхъ явленій дѣйствія, нужно погрузиться во внутрь самаго дѣйствія, нужно психологическое, такъ сказать, изслѣдованіе, чтобы понять внутреннее единство сего,

во внѣшности волнующагося, міра. Русской языкъ вполнѣ понимаетъ и выражаетъ это въ своемъ глаголѣ; онъ не подчиняетъ отдѣльныхъ глаголовъ общимъ внѣшнимъ рамкамъ.—Съ перваго взгляда, Русскіе глаголы представляютъ совершенный произволъ, нестройную путаницу, безконечныя противорѣчія, невозможность порядка. Всякой, или почти всякой, глаголъ имѣетъ свой обычай, управляется и дѣйствуетъ по-своему, и отсюда какъ будто происходитъ общая разница. Для того, чтобы понять смыслъ этой области Русскаго слова, нужно обратиться къ каждому глаголу, къ его личности, такъ сказать, найдти законное объясненіе употребленію каждаго,—и тогда возникнетъ стройность и порядокъ. Часто какой-нибудь глаголъ составляетъ единственный примѣръ употребленія, которое для близорукаго взгляда покажется исключеніемъ изъ правила, но которое, при объясненіи дѣйствія, глаголомъ выражаемаго, при пониманіи личнаго значенія глагола, является вполнѣ законнымъ, и въ своей глубокой правильности. Таковъ Русской глаголъ. — Поэтому такъ затруднителенъ онъ для иностранцевъ. Грамматика ставитъ только общіе законы; разнообразная жизнь глаголовъ узнается изъ живаго употребленія. Если же эту жизнь подвергнуть теоретическому воззрѣнію: то для этого необходимо, перебравъ всѣ глаголы, написать теорію ихъ всѣхъ; многіе изъ нихъ имѣютъ каждый свою теорію и должны быть разсмотрѣны по одиначкѣ. Такой трудъ возможенъ и полезенъ, но онъ уже не входитъ въ область грамматики, какъ науки; онъ составитъ или родъ словаря, или отдѣльное разсужденіе о дѣйствіи, въ его частныхъ проявленіяхъ, на сколько оно выражается въ языкѣ.

Постараемся изложить глубже и точнѣе тотъ общій

ФУНДАМЕНТАЛЬНАЯ
БИБЛИОТЕКА
Общественных Наук
Академии Наук СССР

законъ опредѣленія самаго дѣйствія, который видимъ мы въ Русскомъ глаголѣ и который выражается въ измѣненіи его формъ. Вмѣстѣ съ этимъ обратимся къ самымъ формамъ глагола; но напередъ считаемъ нужнымъ утвердить терминологію, хотя мы не придаемъ ей большой важности. Мы не прочь оставить и прежнюю терминологію, получающую, конечно, теперь при нашемъ объясненіи, новый смыслъ. Но мы находимъ лучше, слово: *видъ* замѣнить словомъ: *степень*, заимствуя этотъ терминъ у славнаго нашего филолога протоіерея Павскаго, мысль котораго о глаголахъ, хотя, по нашему мнѣнію, и ошибочная, быть можетъ болѣе всѣхъ подходитъ къ истинѣ, какъ мы ее понимаемъ. Мы употребили сперва выраженія: *мгновенный, многомгновенный, неопредѣленный*; но, для утвержденія терминологіи, думаемъ лучше оставить, вмѣсто первыхъ двухъ, прежнія: *однократный, многократный*, какъ довольно подходящія къ мысли. Выраженіе: *неопредѣленный*—удерживаемъ. Такимъ образомъ, Русской глаголъ имѣетъ *три степени*, выражающія различныя опредѣленія (моменты) самаго дѣйствія, въ его существенномъ значеніи: *степень неопредѣленная, степень однократная, степень многократная.* Измѣненіе глагола по этимъ тремъ степенямъ въ лицѣ и числѣ — есть *спряженіе.* Времена же: *настоящее, будущее и прошедшее*, понятія выводныя, не имѣютъ для себя своихъ формъ въ Русскомъ языкѣ, суть дѣло употребленія, и являются по соотвѣтствію ихъ съ формами глагола и съ смысломъ рѣчи.

Формы степеней могутъ иногда употребляться, не теряя своего основнаго значенія, и въ другой степени, а поэтому, и въ другомъ времени. — Но время здѣсь есть вещь второстепенная, и самая возможность такого измѣненія въ употребленіи, опять таки доказываетъ,

что при глаголѣ не время взято въ основаніе; будь оно взято въ основаніе, формы были бы вѣрны времени, общему для всѣхъ, отвлеченному, внѣшнему опредѣленію: и тогда могли бы употребляться въ другомъ времени, — не онѣ, но самое *время*, оставаясь собою, могло бы, вслѣдствіе метафорическаго представленія, употребляться вмѣсто другаго времени; для примѣра указываемъ на Латинское выраженіе: *Brutus si conservatus erit, vicimus* (Если Брутъ уцѣлѣетъ, мы побѣдили). Здѣсь форма: *vicimus* не есть форма будущаго; она всегда и непремѣнно прошедшее, и, *какъ прошедшее*, употребляется вмѣсто будущаго, придавая рѣчи полную увѣренность. Такое употребленіе, будучи чисто метафорическимъ, возможно и для всѣхъ языковъ.—Но измѣненіе въ употребленіи, о которомъ мы говоримъ, совсѣмъ не то; это измѣненіе не метафорическое, а имѣющее логическое, необходимое основаніе, это измѣненіе въ употребленіи, и вмѣстѣ переходъ въ значеніи *самыхъ формъ*, такъ напр. тематическія формы: *паду*, *буду*, принимаются вообще въ однократномъ значеніи, а потому употребляются и въ будущемъ времени, а другія такія же формы: *расту*, *теку*— въ значеніи неопредѣленномъ, а потому и въ настоящемъ. Такая измѣнчивость доказываетъ нашу мысль, во всей ея полнотѣ (см. выше); ибо при качественномъ основаніи берется въ расчетъ самое качество дѣйствія, и уважается личность каждаго глагола. Значеніе же самаго дѣйствія, самого глагола отражается на значеніи самыхъ формъ. Отъ этого, какъ уже сказали мы, происходятъ разныя особенности въ спряженіи, гдѣ общій законъ видоизмѣняется, гдѣ кругъ явленій его сдвигается тѣснѣе, даже иногда до единичнаго явленія.

Мы дошли до нашей мысли о спряженіи путемъ осязательнаго наблюденія. Постараемся теперь представить въ болѣе полномъ и послѣдовательномъ видѣ спряженіе нашего глагола; при этомъ изложеніи намъ нельзя избѣжать повтореній.

Дѣйствіе, внѣ своего выраженія, существуетъ, какъ общее понятіе; и, какъ общее понятіе, дѣйствіе предшествуетъ его выраженію и является неопредѣленнымъ. Такое дѣйствіе называемъ мы: *дѣйствіемъ неопредѣленной степени*. Время, соотвѣтствующее этой неопредѣленной степени, есть время настоящее, которое, по внутреннему смыслу своему, есть время, понятое неопредѣленно или отвлеченно.

I. Дѣйствіе неопредѣленной степени есть:

1. Дѣйствіе, понимаемое вообще; но тѣмъ не менѣе и здѣсь *явленіе* составляетъ его условіе, какъ существенная принадлежность дѣйствія. Такое неопредѣленное дѣйствіе, но понятое стороной къ явленію, или *неопредѣленное дѣйствіе въ явленіи*, составляетъ первую ступень дѣйствія, первый его видъ; въ такомъ первомъ видѣ представляется всякое дѣйствіе и выражается тогда (что и понятно) тематической формой съ глагольнымъ окончаніемъ, напр. *раст-у*, *тек-у* и проч.—Неопредѣленную степень въ этомъ ея видѣ называемъ мы: *степенью неопредѣленною сущею* или лучше, *существенною*. Сюда собственно относятся дѣйствія непроизвольныя, необходимо вытекающія изъ своей причины, дѣйствія естественныя, дѣйствія природы, напр. *вода течетъ*, *огонь горитъ*, *птица летитъ*, *рыба плыветъ*. Здѣсь дѣйствіе схвачено, какъ состояніе, вытекающее изъ существа предмета.—Сюда отно-

ются также дѣйствія, хотя не выражающія состоянія, хотя и произвольныя, но длительныя или общія по смыслу своему, напр. *люблю*, *вѣрю* и проч. Мы сказали, что всякое дѣйствіе первоначально представляется въ этомъ видѣ и выражается въ языкѣ тематическою формою: это справедливо; но дѣйствіе, какъ понятіе, производное изъ другихъ понятій, не имѣющее въ себѣ первоначальнаго дѣйствительнаго характера, — производное въ тоже время и въ языкѣ, какъ слово,— можетъ вовсе не имѣть въ глаголѣ этой тематической формы, напр. *дум-а-ю*, *мечт-а-ю*.

Мы должны присоединить еще нужное замѣчаніе. Всякое естественное дѣйствіе является въ этомъ первомъ видѣ, т.-е. какъ неопредѣленно-сущее, и всякой глаголъ получаетъ въ языкѣ форму тематическую; но значеніе самаго дѣйствія измѣняетъ самое значеніе формы. Какъ скоро дѣйствіе не вытекаетъ изъ свойства предмета, не есть его состояніе, какъ скоро оно случайно или произвольно, какъ скоро также не имѣетъ оно въ себѣ длительности, и въ тоже время не отвлеченно, а живо; то понятное въ явленіи и выраженное чрезъ тему, какъ напр. *паду*, *сяду*,—дѣйствіе уже не можетъ быть неопредѣленнымъ по смыслу своему, и переходя въ дѣйствительность, свѣчасъ опредѣляется какъ моментъ и получаетъ значеніе дѣйствія однократнаго, а въ слѣдствіе того употребляется въ будущемъ. Въ значеніи этихъ глаголовъ является дѣйствіе, не какъ состояніе, или какъ дѣйствіе постоянное, длительное, но какъ переходъ изъ одного состоянія въ другое. Это особенно ощутительно въ словѣ: *паду*, которое употребляется и не какъ однократное (не какъ моментъ) и не въ будущемъ, — а какъ бы такое дѣйствіе, которое наша мысль успѣваетъ схва-

тить въ его неопредѣленномъ значеніи, въ его мгновенной длительности, и которое поэтому употребляется и въ настоящемъ, напр. стихъ Озерова въ трагедіи Фингалъ: «мелькаютъ, сѣются, падутъ», и т. д. Но самая эта ощущаемая мгновенность, эта трудность уловить ее — уполномочиваетъ и объясняетъ употребленіе: *паду*, въ однократномъ и въ будущемъ. *Сяду* не столь ощутительно для нашего пониманія, какъ *паду*. *Сяду* высказываетъ моментъ перехода въ это состояніе и объясняется, но не уравновѣшивается, словомъ: *сажусь*.

2. Дѣйствіе неопредѣленное, при дальнѣйшемъ ходѣ мысли, понимается отвлеченно, какъ сила, какъ возможность, какъ понятіе. Такое неопредѣленное дѣйствіе, понятое стороною къ самому себѣ, или лучше: *неопредѣленное дѣйствіе въ самомъ себѣ*, есть уже новое представленіе дѣйствія, еще въ неопредѣленной сферѣ, новый его видъ. Такой видъ дѣйствія выражается въ языкѣ чрезъ приставку гласной: *а* къ тематической формѣ, за которой слѣдуетъ глагольное окончаніе, напр. *плав-а-ю*, *лет-а-ю* и проч. Примѣры уясняютъ еще болѣе нашу мысль: птица *летитъ*, потому что *летаетъ*; рыба *плыветъ*, потому что *плаваетъ*. Здѣсь дѣйствіе является, какъ сила, какъ возможность. — Такое отвлеченное дѣйствіе можетъ быть понято и въ явленіи (ибо таково стремленіе глагола обнаружиться, таково общее условіе всего бытія); но на явленіе переноситъ оно свой отвлеченный характеръ; и тогда часто дѣйствіе, выражаемое глаголомъ на *аю*, получаетъ или значеніе воображаемое, напр. «я плаваю часто по этой рѣкѣ» (т.-е. имѣю обыкновеніе плавать, а не теперь плыву), или же значеніе дѣйствія произвольнаго, безъ цѣли совершающагося, напр. «птица

летаетъ надъ нами» (туда и сюда). Неопредѣленная степень получаетъ здѣсь особый оттѣнокъ; мы называемъ ее въ этомъ ея видѣ *степенью неопредѣленною отвлеченною*. Не всякой глаголъ (понятно) образуетъ отвлеченную форму на *аю*; за то иные глаголы, какъ было замѣчено, имѣютъ только эту отвлеченную форму. Вообще же смыслъ самихъ глаголовъ и историческая ихъ судьба имѣетъ вліяніе на исключительное или особенное употребленіе ихъ формъ; такъ напр. глаголъ *читаю* (lego) употребляется теперь только въ этой отвлеченной формѣ на *аю*, между тѣмъ какъ имѣется его существенная форма: *чту*, которая и употреблялась нѣкогда; но чтеніе есть новое позднѣйшее дѣйствіе и притомъ дѣйствіе отвлеченное, умственное; внѣшняя сторона сего есть *сложеніе* буквъ, что, думаемъ мы, и означается словомъ: *чту*, т.-е. *сочетаю (чета)*. Въ предложныхъ глаголахъ ясна форма: *чту (сочту деньги)* (*). Такъ какъ въ *чтеніи* превозмогаетъ внутренняя умственная сторона чтенія,—то и форма отвлеченная *читаю* превозмогла надъ формою *существенной*; постоянно употребляется первая, тогда какъ вторая оставлена.—Здѣсь надобно отличать *а*, вставленное для означенія неопредѣленной отвлеченной степени, отъ того *а*, которое есть часть темы, напр: *зна-ю* (многократное: *зна-валъ*, а *не знывалъ*). Въ глаголахъ: *таю*, *маю*, — употребительнѣе *маюсь*, — *а* есть также часть темы, съ тою разницею, что здѣсь глагольное окончаніе: *ю*, не есть только смягченіе *у*, послѣ гласной, но скрываетъ еще въ себѣ звукъ *и* (или *й*), слившійся съ нимъ и принадлежащій къ темѣ; это обнаружи-

(*) Какъ можетъ быть *lego* отъ корня *лег*, *лог*. *лагаю*, *слагаю*. Самое значеніе *lego—собираю*, *беру*, совпадаетъ съ этимъ корнемъ.

вается въ прошедшей отглагольной формѣ: *мая-лъ*, *тая-лъ* (тогда какъ другіе глаголы имѣютъ, напр. *игр-алъ*, *зна-лъ*, а не *знал-лъ*); впрочемъ, говорятъ и: *талый*, но вѣроятно здѣсь это сокращеніе. Въ многократной формѣ, мало употребительной, обнаруживается опять это *и*, и говорятъ: не *маивался*, не *таивалъ*. Впрочемъ, здѣсь пойдутъ частныя замѣчанія и объясненія, отъ которыхъ мы на сей разъ удерживаемся.

Къ глаголамъ неопредѣленной степени относятся глаголы, образующіеся изъ именъ, глаголы *отъименные*. Глагольное окончаніе здѣсь не прямо присоединяется къ имени, но между нимъ и именемъ стоитъ то же глагольное окончаніе: *у*, замѣняющее окончаніе имени: *ъ*, *а* или *о*; глаголы эти, такимъ образомъ, оканчиваются на *ую*; напр. *пир-ъ—пир-у-ю*, *тоск-а—тоск-у-ю*, *царств-о—царств-у-ю*. Такое образованіе ощутительно показываетъ, что это глаголъ производный. Отъименные глаголы различаются своимъ значеніемъ отъ глаголовъ неопредѣленной степени, какъ существенныхъ, такъ и отвлеченныхъ, именно въ томъ, что глаголы отъименные выражаютъ произволъ; дѣйствіе является въ нихъ не необходимымъ слѣдствіемъ жизни, а какъ бы *произвольнымъ*; оно неотвлеченно, какъ въ глаголахъ на *аю*, но и не имѣетъ видимой осязательности. Это какъ бы что-то среднее между глаголами неопредѣленной степени существенными и отвлеченными. Но такъ какъ это глаголы позднѣйшіе, образованные уже выразившеюся сознательною мыслію, глаголы по преимуществу *человѣческіе*, такъ сказать: то мы и относимъ ихъ къ глаголамъ отвлеченнымъ неопредѣленной степени. Само собою разумѣется, что и здѣсь *у* образовательное, въ окончаніи *ую*, долж-

но отличать отъ *у*, принадлежащаго къ темѣ глагола, напр. *ду-ю*, *ду-лъ*, *ду-валъ*, или: *ую*,—употребляется лишь въ сложномъ видѣ: *об-у-лъ*, *об-у-валъ*;—такіе глаголы сюда не относятся. Слово: *кую* имѣетъ *ковалъ*; но это *ковалъ*, есть уже другая форма неопредѣленной степени,—отвлеченная: ковать; она употребительна лишь въ отглагольныхъ прилагательныхъ; *ков-а-ю* (изъ *ку-а-ю*) не употребляется. Въ древности встрѣчается и существенная форма: *кутъ*. Почему этотъ глаголъ, а также и другіе, *клюю*, *плюю*, *жую*, *сную* (въ глаголѣ *сую*, какъ въ *кую*, кромѣ *совать*,—намъ еще слышна форма *су-тъ* въ малоупотребительномъ: *сулъ*, оттуда: *сулица*) представляютъ такую особенность, — этого мы здѣсь подробно не разсматриваемъ; скажемъ только, что вѣроятно *в*, выступившее здѣсь въ отглагольныхъ формахъ неопредѣленной отвлеченной степени (*ковать*, *клевать*; *ковалъ*, *клевалъ* и т. д.) есть эвфоническое; оно выступило даже и въ глагольной формѣ, неопредѣленной существенной степени, въ словѣ: *плыву*, первоначальный видъ которой есть конечно: *плы-ю*,—*плыть*.

Теперь пойдемъ далѣе.

Дѣйствіе, по существу своему, необходимо выходитъ изъ неопредѣленности и выражается, какъ живое осязательное явленіе, осуществляется вполнѣ. Дѣйствіе становится опредѣленнымъ. Здѣсь собственно предъявляетъ свои права время, которое, понятое дѣйствительно, является только будущимъ и прошедшимъ.

II. Дѣйствіе опредѣленное, перешедшее въ міръ явленій, въ міръ преходящаго, предстаетъ какъ живой, конкрстный моментъ, который во времени можетъ быть

схваченъ, только какъ наступающій. Длиться моментъ не можетъ: настоящее время здѣсь несообразность; время же прошедшее не есть дѣйствіе.—Наступающій моментъ, относительно времени, соотвѣтствуетъ будущему, какъ *грядущему*. Дѣйствіе опредѣленное, какъ моментъ, есть самое живое конкретное проявленіе, до котораго дѣйствіе достигаетъ, но которое за то является только какъ наступающее мгновеніе и длится, какъ мгновеніе. — Этотъ новый видъ дѣйствія на пути его осуществленія есть дѣйствіе опредѣленное, *однократное*. На этой степени глаголъ къ тематической формѣ присоединяетъ окончаніе *ну*, или лучше букву *н*, за которой слѣдуетъ глагольное окончаніе, напр. *стукн-у*, *крик-н-у* и проч. И здѣсь, личный смыслъ глаголовъ условливаетъ образованіе формъ; поэтому, иные глаголы не имѣютъ однократной формы; точно тоже встрѣчается и въ отношеніи другихъ формъ. Мы сказали уже, что, съ своей стороны, иные изъ глаголовъ существенной неопредѣленной степени, по смыслу своему, принимаютъ значеніе степени однократной.

III. Одинъ моментъ естественно предполагаетъ неограниченное множество моментовъ, — и дѣйствіе опредѣленное принимаетъ новый видъ, необходимый въ области опредѣленнаго явленія. Моментъ наступающій, совершившись, даетъ возможность выступить другому такому же, который, въ свою очередь, открываетъ мѣсто слѣдующему, и т. д. Дѣйствіе вступаетъ здѣсь въ новое опредѣленіе, окончательно изчерпывающее весь ходъ его осуществленія. Ибо разъ явившись, какъ моментъ, дѣйствіе далѣе является, какъ *моменты* въ неопредѣленномъ множествѣ, слѣдовательно, какъ моменты *совершившіеся* (слѣдующій моментъ можетъ явиться тогда лишь, когда *совершился* преды-

дущій), и *перестаетъ быть дѣйствіемъ*. Въ этомъ новомъ видѣ дѣйствіе есть неограниченный рядъ, или цѣпь отдѣльныхъ моментовъ. Такая цѣпь, возможная лишъ при опредѣлившихся моментахъ, есть уже дѣйствіе прекратившееся. Такимъ образомъ дѣйствіе, въ своемъ логическомъ ходѣ, доходитъ само до момента своего прекращенія. На этой степени дѣйствіе, само собою разумѣется, соотвѣтствуетъ только прошедшему времени, въ которомъ уже нѣтъ дѣйствія, въ которомъ уже является, въ языкѣ, не глагольная форма, а отглагольное прилагательное. Всякое дѣйствіе можетъ перестать, и потому прошедшее, и вмѣстѣ отглагольное прилагательное, относится къ каждой степени, къ каждой формѣ глагола; но здѣсь само дѣйствіе, какъ понятіе, достигаетъ до такого опредѣленія, при которомъ прошедшее время необходимо; дѣйствіе становится переставшимъ, какъ дѣйствіе, и слѣдовательно является необходимо только въ прошедшемъ. Дѣйствіе въ этомъ своемъ видѣ есть дѣйствіе опредѣленное *многократное*. На этой степени глаголъ къ тематической формѣ присоединяетъ окончаніе: *ыв* или *ив*, или даже просто *в*, если тема оканчивается на гласную букву; за этою приставкою слѣдуетъ окончаніе отглагольнаго прилагательнаго: *алъ*.—Иногда измѣненіе совершается внутри самаго слова чрезъ вставку или усиленіе гласной. Здѣсь также на употребленіе имѣетъ сильное вліяніе личный смыслъ глагола, напр. отглагольное отъ *аю* употребляется иногда, какъ многократное.

И такъ дѣйствіе, проходя путь своего осуществленія, является напередъ 1) *неопредѣленнымъ*, при чемъ оно обозначается прежде всего, какъ *неопредѣленное сущее* или *существенное*, и потомъ уже отвлекается, какъ общее понятіе и становится *неопредѣленнымъ от-*

влеченнымъ. Въ сущности это одна степень; второй видъ ея есть только ея отвлеченіе. Далѣе 2) дѣйствіе *опредѣляется*,—и является, какъ моментъ, въ самомъ живомъ своемъ видѣ, со всей силой живаго мгновенія. Наконецъ 3) дѣйствіе, принявши опредѣленіе момента, открываетъ возможность безграничному ряду осуществленныхъ моментовъ и *перестаетъ быть дѣйствіемъ*. И такъ, мы видимъ три степени, проходимыя дѣйствіемъ: *неопредѣленную* (гдѣ дѣйствіе является прежде всего, какъ *существенное*, а потомъ, какъ *отвлеченное*), опредѣленную—*однократную* и опредѣлившуюся *многократную*. Чтобы сказать яснѣе, выразимся такъ, хотя это будетъ и не строго въ логическомъ смыслѣ: Дѣйствіе въ первой степени является до своего опредѣленія (неопредѣленное); во второй оно является въ опредѣленіи (какъ моментъ); а въ третьей *послѣ* опредѣленія (какъ моменты).

Ясно, что время есть уже логическое заключеніе, выводъ, вытекающій изъ самоопредѣленія дѣйствія.

Вотъ какъ понять и, прибавимъ, глубоко понять глаголъ Русскимъ языкомъ.—Но мы сказали и должны повторить еще, что этотъ общій законъ спряженія измѣняется чрезвычайно разнообразно отъ личнаго значенія того или другаго глагола, такъ что часто иной глаголъ, ни мало не составляя исключенія, имѣетъ свою особую теорію. Тѣмъ не менѣе, въ основаніи такого разнообразія въ спряженіи нашихъ глаголовъ, находятся и общія причины, на которыя можно указать. Мы дали выше нѣсколько такихъ объясненій, говоря о формахъ глагола; прибавимъ здѣсь еще нѣсколько замѣчаній.

Многіе глаголы имѣютъ не всѣ степени и не всѣ формы спряженія, или имѣютъ ихъ не ровно; иногда

одна форма находится въ отглагольномъ имени (т. с. неопредѣленномъ наклоненіи), или отглагольномъ прилагательномъ (т. е. причастіи прошедшемъ) а самъ глаголъ ея не имѣетъ, а имѣетъ вмѣсто нея другую. Напримѣръ, отглагольное прилагательное имѣетъ форму: *лгалъ*, отглагольное имя: *лгать*, а самъ глаголъ не имѣетъ: *лгаю*, а имѣетъ другую форму: *лгу*, которой, наоборотъ, не имѣетъ ни отглагольное имя, ни отглагольное прилагательное того же глагола, ибо нельзя сказать: *лг-ть*, *лг-лъ*; здѣсь трудность произношенія не составляетъ препятствія; еслибъ была только форма, глаголъ могъ бы изворотиться въ этомъ затрудненіи, напримѣръ: *пр-ть*—*переть*, *пр-лъ*—*перъ* (*пер-лъ*). Иные глаголы имѣютъ только одну извѣстную степень: собственно объ нихъ хотимъ мы поговорить.

1. Есть глаголы существенные, степени неопредѣленной, которые не имѣютъ никакой другой степени. Они не имѣютъ и отвлеченнаго вида той же степени. Это встрѣчается именно тогда, когда дѣйствіе понято такъ живо и конкретно, и вмѣстѣ такъ необходимо, независимо отъ произвола, что не допускаетъ отвлеченія; дѣйствіе здѣсь есть необходимое слѣдствіе непроизвольной причины. Таковы дѣйствія природы, и глаголы, выражающіе ихъ, сюда относятся, напр. *расту*, *теку*, *цвѣту*, *горю* и проч. Такіе глаголы не могутъ имѣть и однократной степени; ибо дѣйствіе, ими выражаемое, понято какъ дѣйствіе, по существу своему конкретное и длительное. По той же причинѣ они не имѣютъ и многократной степени, хотя, какъ минувшее, какъ воспоминаніе, которое можетъ представить перспективу дѣйствія прерываемаго, — эта степень доступнѣе. Чтобы показать, какъ значеніе глагола, измѣняясь, измѣняетъ его формы, какъ однѣ

бросаются, а другія возникаютъ, — приведемъ въ примѣръ глаголъ: *живу*. *Живу* — дѣйствіе природы и поэтому относится къ вышеобъясненнымъ глаголамъ; но въ человѣкѣ это дѣйствіе получило переносное значеніе, напр: *я здѣсь живу*, значитъ: *я здѣсь обитаю*, слѣдовательно здѣсь является уже произволъ, напр. *я хочу жить (обитать) не тамъ, а здѣсь*. Конкретный характеръ жизни не допускаетъ образоваться степени однократной, ни даже отвлеченному виду степени неопредѣленной; но за то отглагольное прилагательное отъ отвлеченной неопредѣленной степени, употребляемое въ смыслѣ многократной, — становится возможнымъ: *живалъ*. Сюда же должны быть отнесены глаголы, первоначально средніе: *варю, курю, дымлю, (печка дымитъ)*, и пр.; получивъ значеніе глаголовъ дѣйствительныхъ, они стали выражать уже произволъ, и форма многократнаго: *варивалъ, куривалъ*, — стала возможною.

Здѣсь надобно сдѣлать два общихъ важныхъ примѣчанія:

а) Такъ какъ личное значеніе глагола занимаетъ главное мѣсто, а личное значеніе глагола можетъ измѣняться въ пониманіи человѣка, то здѣсь та или другая форма спряженія можетъ зависѣть отъ лица говорящаго; такимъ образомъ случается возникнуть и неупотребительной формѣ. Въ примѣръ можно привести глаголъ: *курю*. Онъ получилъ частное значеніе куренія табака. Ставши забавою и сдѣлавшись уже вполнѣ произвольнымъ глаголомъ, *курю* образуетъ отъ себя и неупотребительную дотолѣ, однократную форму, которая высказываетъ только частное значеніе куренія (т.-е. куренье табака), и особливый видъ этого дѣйствія, напр. *курну не много, дай курнуть*. Форма эта,

курну, становится въ этомъ извѣстномъ смыслѣ, общеупотребительного; ибо здѣсь такое пониманіе куренья принадлежитъ не одному лицу произвольно, но многимъ, всѣмъ, кому извѣстно куренье табака. Но если форма возникаетъ чисто въ слѣдствіе случайнаго пониманія одного лица: то, не обобщаясь, она тутъ же пропадаетъ и не остается въ употребленіи, до новаго случайнаго употребленія, или до того, когда она получитъ болѣе или менѣе общее значеніе. Напр. есть возможность сказать человѣку: *живу*, *хоть одинъ денекъ*, или *плыву*, *хоть разокъ*. Но это — частная, личная, случайная возможность, о которой мы должны были упомянуть; ибо она, какъ возможность, имѣетъ общій смыслъ и даетъ важное указаніе, — но которую изслѣдовать въ ея примѣненіяхъ намъ нѣтъ никакой надобности.

б) Предлогъ, присоединяясь къ глаголу, измѣняетъ характеръ его значенія и часто освобождаетъ въ немъ форму, до него не могущую появиться, которая, слѣдовательно, находилась въ глаголѣ въ возможности, in abstracto, напр. *теку*, *про-текаю*.

О томъ, что глаголы существенные могутъ получить значеніе степени однократной, было сказано.

2. Иные глаголы отвлеченные, неопредѣленной степени, имѣютъ также только этотъ отвлеченный видъ, не имѣя вида существеннаго, самаго общаго, самаго естественнаго вида всякаго конкретнаго дѣйствія. Мы объ нихъ уже упоминали выше. Это глаголы позднѣйшаго образованія; само понятіе дѣйствія, ими выражаемаго, образовалось отвлеченно; таковы глаголы: *думаю*, *мечтаю*, даже, *играю*. Понятно, что такіе, по природѣ отвлеченные, глаголы, не могутъ имѣть и однократной степени. Многократная, самая возможная

въ томъ случаѣ, когда глаголъ исключителенъ по своему смыслу, а потому и по формамъ, — является въ такихъ глаголахъ, смотря по личному ихъ значенію; такъ можно сказать: *игрывалъ*, *думывалъ*, но не говорится: *мечтывалъ* (чѣмъ не устраняется личнопроизвольная возможность такъ выразиться; но такая форма, пока она дѣло чисто личнаго произвола, гражданства въ языкѣ не имѣетъ). Глаголъ: *гадаю* сюда же относится. Хотя существенный его видъ есть: *гожу*, *годить*, котораго значеніе имѣетъ два оттѣнка, выражаемые ощутительнѣе въ сложныхъ: *погодить* и *угодить*, (*угодить*: попасть во что, потрафить, и *угодить*, сдѣлать угодное); но происходя: отъ *гожу*, этимологически и логически, *гадаю*, такъ далеко отошло отъ него своимъ значеніемъ, что составляетъ особый глаголъ. Такой же примѣръ, какъ: *гадаю* представляетъ глаголъ: *читаю*, котораго существенный видъ есть *чту*, объ чемъ было сказано выше.

3. Есть даже глаголы однократной степени, имѣющіе только одну эту степень. Но они принимаютъ особенное значеніе и употребляются въ настоящемъ, напр. *сохну*, *вяну* (вядну), *мокну*, *льну* (льпну), другая форма: *липну*. Странность употребленія однократной степени въ настоящемъ времени объясняется самимъ значеніемъ этихъ глаголовъ. Эти глаголы показываютъ постоянное нарощеніе дѣйствія, его увеличеніе, его движеніе далѣе и далѣе. Такимъ образомъ, здѣсь дѣйствіе, усиливаясь и безпрестанно прибавляясь, является постоянно, не какъ такой же, но какъ новый, съ новою силою наступающій моментъ, все сильнѣе и сильнѣе; потому глаголъ, выражая съ одной стороны дѣйствіе, какъ наступающій моментъ, получаетъ форму однократную; но такъ какъ онъ съ дру-

гой стороны высказываетъ, что каждый моментъ сильнѣе другаго, высказываетъ мысль постояннаго перехода, самое *наступаніе*, и притомъ сильнѣйшаго момента, высказываетъ *постепенность*, — мысль уже *общую* слѣдовательно неопредѣленное понятіе, — то онъ принимаетъ неопредѣленное и притомъ существенное значеніе, и употребляется въ настоящемъ. Эти глаголы— новое доказательство, что Русской языкъ беретъ въ расчетъ не время, но сущность, смыслъ самаго дѣйствія. Здѣсь Русской языкъ прекрасно соединилъ и понятіе непрерывной мгновенности возрастанія и, въ тоже время, понятіе этой мгновенности, самой по себѣ, какъ общаго состоянія — Предлогъ, присоединяясь, освобождаетъ здѣсь, замкнутыя, такимъ значеніемъ глагола, формы, напримѣръ: *мокну*, — съ предлогомъ: *про-мок-а-ю*, и даже *промакивалъ* и пр. Отглагольная форма, напримѣръ: *мокъ (моклъ)* показываетъ, поглощенную или не образовавшуюся форму — неопредѣленную сущую *мочу*, имѣющую въ употребленіи не *средній*, а *дѣйствительный* смыслъ, а сложное: *про-мокаю* показываетъ неопредѣленную отвлеченную: *мокаю*, получившую дѣйственный и вмѣстѣ съ тѣмъ особенный смыслъ погруженія чего нибудь въ жидкое. То же можно найти и въ другихъ подобныхъ однократныхъ глаголахъ, напримѣръ: *липну; липъ* указываетъ на *липлю*, форму, употребляющуюся въ нашемъ языкѣ: *липитъ*; *прилипаю*—указываетъ не употребительное: *липаю*. Также: *тону, вяну (топ-ну, вяд-ну; п* — въ *тону* поглощено, какъ въ *вяну* поглощено *д*); *топъ* и *вялъ* указываютъ на неопредѣленныя существенныя, теперь неупотребительныя, глагольныя формы. *У-топаю, у-вядаю* указываютъ на неопредѣленныя отвлеченныя, неупотребительныя: *топаю, вядаю*. Эти одно-

кратные глаголы, выражающіе постепенность, соотвѣтствуютъ другимъ глаголамъ, происходящимъ отъ прилагательныхъ, образованнымъ чрезъ *тью* и даже *аю* (*бѣлѣю*, *дорожаю*); такіе глаголы на *тью* и *аю* должны быть отнесены къ глаголамъ существеннымъ неопредѣленной степени и къ такимъ, которые (что объясняется смысломъ ихъ) не имѣютъ ни отвлеченнаго вида той же степени и никакой другой степени, подобно какъ глаголы отъименные на *ую*, съ которыми они, впрочемъ, разнятся въ значеніи; здѣсь *ть*, *а*, суть только посредствующія, образовательныя буквы. Между однократными постепенными и постепенными неопредѣленными есть ощутительная разница. Въ однократныхъ на первомъ планѣ—наступающій моментъ, усиленіе дѣйствія, однимъ словомъ однократность. Въ глаголахъ постепенныхъ неопредѣленныхъ, на первомъ планѣ — состояніе дѣйствія, неопредѣленность; отсюда въ нихъ самое усиленіе дѣйствія является медленно. Это преобладающее значеніе состоянія даетъ возможность этимъ глаголамъ получать особенный смыслъ: мы можемъ сказать, напримѣръ: *что желтѣетъ вдали*. Здѣсь понятіе постепеннаго усиленія уже почти поглощено понятіемъ состоянія; между тѣмъ какъ соотвѣтственный однократный глаголъ: *желкну*, всегда имѣетъ значеніе: *становиться желтымъ*. Какія причины внутренняго значенія и внѣшняго благозвучія имѣли отношеніе къ тому, что одинъ глаголъ принялъ форму однократную: *ну*, а другой— неопредѣленную *тью* или *аю*, — этого мы теперь не разсматриваемъ.

4. Глаголы многократные, повидимому, не могутъ быть собственно названы глаголами, но они имѣютъ

право на это названіе; правда: форма ихъ—отглагольное прилагательное; глагольная форма для нихъ логически невозможна; — но эта глагольная форма тутъ же находится отвлеченно, in abstracto; она скрыта только, и выступаетъ, какъ скоро предлогъ даетъ ей законную причину явиться: *дѣлывалъ, по-дѣлываю.* Собственно глаголовъ многократныхъ, т.-е. такихъ, которые бы имѣли одну эту форму (какъ глаголы неопредѣленные и однократные), не находится, что и понятно. Всякая многократная форма, какъ скоро она существуетъ, непремѣнно предполагаетъ или неопредѣленную, — ту или другую, — или однократную степень. О многократной степени надобно замѣтить одну особенность. Вмѣсто многократной формы, а иногда и рядомъ съ нею, употребляется форма неопредѣленная — отвлеченная на *алъ*; причемъ: или распространяется тема чрезъ гласную, обыкновенно *и* или *ы*: *сп-лю — сыпалъ, вр-у—виралъ* (иногда замѣняется ими вставочное *е*: беру—*биралъ*, деру—*диралъ*), или перемѣняется удареніе: *бѣгалъ*, — или наконецъ не бываетъ никакого измѣненія: *видалъ.* — Неопредѣленная отвлеченная форма употребляется въ смыслѣ многократной тогда, когда глаголъ самъ неопредѣленной отвлеченной формы не имѣетъ. Употребленіе формы: *видаю*, кажется, явилось позднѣе, впрочемъ *видаю* получаетъ особый смыслъ, различающійся отъ: *видалъ.* — Степень неопредѣленная отвлеченная и степень многократная стоятъ на разныхъ полосахъ и такимъ образомъ соотвѣтствуютъ другъ другу: одна выражаетъ дѣйствіе отвлеченное, не существующее, потому что оно не перешло въ жизнь, *не началось*; другая выражаетъ также дѣйствіе несуществующее; потому что оно перешло въ жизнь, и *прекратилось*. Поэтому по-

нятно, что неопредѣленная отвлеченная степень, въ своемъ отглагольномъ прилагательномъ прошедшемъ, можетъ имѣть, при извѣстныхъ условіяхъ, значеніе многократной.

Есть одинъ только примѣръ, что многократная степень употребляется, даже и безъ предлога, въ формѣ глагола, въ видѣ степени неопредѣленной; но это глаголъ, не имѣющій за то вовсе глагольной формы—это глаголъ: *быть*. *Есмь* — совершенно особый глаголъ; а форма: *буду* представляетъ особое образованіе; поэтому-то многократная выступаетъ здѣсь и образуетъ неопредѣленную степень: *бываю*, при которой, впрочемъ, удерживается оттѣнокъ многократнаго значенія. Какъ неопредѣленная, она образуетъ свою многократную: *бывывалъ*.

Предлоги, съ своей стороны, имѣютъ чрезвычайно важное отношеніе къ глаголамъ, на что теперь намъ и слѣдуетъ обратить наше вниманіе.

Значеніе предлоговъ измѣряется обыкновенно падежами: такой-то требуетъ винительнаго, такой-то родительнаго, — и довольно: между тѣмъ какъ значеніе лежитъ въ самыхъ предлогахъ. Значеніе это находится въ нихъ, какъ намёкъ, который становится ясенъ только при падежѣ; такимъ образомъ, требуемый падежъ является здѣсь не случайно—прирожденною особенностію предлога, но есть слѣдствіе его значенія. На такое соображеніе, кажется, должно бы навести уже одно то, что иные, одни и тѣ же, предлоги требуютъ нѣсколькихъ падежей. Къ тому же назначеніе предлога не только управлять падежами: предлоги слагаются съ словами, преимуществен-

но съ глаголами; это сложеніе особаго рода, и, сложное съ предлогомъ, слово не похоже на другія сложныя слова, въ которыхъ оба значенія опредѣленны и различны въ своемъ соединеніи *(благо-творю, дровосѣкъ)*. Предлогъ слагается иначе. Будучи намекомъ, не имѣя опредѣленнаго значенія, онъ сливается со словомъ, проникаетъ его все своимъ смысломъ, и такимъ образомъ измѣняетъ его внутренно. И такъ отвлеченное значеніе предлога, неясное, неоконченное само по себѣ, — осуществляется тогда, когда онъ или управляетъ именами, или прилагается къ словамъ, преимущественно къ глаголамъ. — Въ нашей статьѣ намъ нужно обратить вниманіе на предлогъ въ соединеніи съ глаголами.

Значеніе предлога, осуществляясь и утверждаясь на глаголѣ, приноситъ ему свое опредѣленіе, отъ чего проистекаютъ измѣненія, смотря потому, къ какой формѣ глагола присоединяется предлогъ. Какъ скоро предлогъ присоединяется къ многократной формѣ, то, проникая весь глаголъ новымъ единымъ оттѣнкомъ, онъ сливаетъ въ немъ моменты въ одно цѣлое и образуетъ въ немъ новое дѣйствіе; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ освобождаетъ въ немъ *понятіе дѣйствія вообще*, слѣдовательно понятіе дѣйствія неопредѣленнаго; поэтому изъ многократной степени возводитъ онъ глаголъ въ степень неопредѣленную, изъ отглагольной формы въ глагольную, изъ прошедшаго въ настоящее; напримѣръ: *прыгивалъ* — степень многократная, —присоединяется къ глаголу предлогъ: *при*, — вмигъ глаголъ проникается однимъ цѣльнымъ значеніемъ, и образуетъ новое понятіе дѣйствія, именно: дѣйствіе неопредѣленное: *припрыгиваю*. Далѣе: какъ скоро пред-

логъ присоединяется къ формѣ неопредѣленной, въ которой дѣйствіе все же есть (не то что въ многократной), то, проникая глаголъ своимъ извѣстнымъ, частнымъ значеніемъ, онъ обращаетъ дѣйствіе въ моментъ и возводитъ глаголъ изъ степени неопредѣленной въ однократную, — изъ времени настоящаго въ будущее; напр. *прыгаю* — степень неопредѣленная, — присоединяется къ глаголу предлогъ: *за*; глаголъ вмигъ опредѣляется частнымъ значеніемъ и обращается въ моментъ: *запрыгаю*. — Присоединяясь къ формѣ одно-однократной, предлогъ придаетъ глаголу только новую опредѣленность и ускоренность, напр. *прыгну*; присоединяется къ глаголу *съ*, и образуется: *спрыгну*. Значеніе предлога при глаголѣ, сейчасъ нами разсмотрѣнное, очень замѣчательно, и едва ли можетъ быть найдено въ другомъ какомъ-нибудь языкѣ (*). Оно ясно и несомнѣнно доказываетъ, что въ Русскомъ глаголѣ взято въ расчетъ не опредѣленіе временъ, а качество или лучше сущность самаго дѣйствія.

Отсюда уже легко понять, что не всѣ равно предлоги придаются ко всѣмъ тремъ степенямъ. Наприм. предлогъ: *по* присоединяется къ многократной: *прыгивалъ*, и дѣлаетъ возможнымъ неопредѣленную степень: *попрыгиваю*; присоединяется къ неопредѣленной: *прыгаю*, и образуетъ однократную степень: *попрыгаю*; но этотъ предлогъ, имѣя значеніе послѣдовательности вообще, не можетъ присоединиться къ однократной степени: *прыгну*, нельзя сказать *попрыгну*. Здѣсь уже нуженъ другой предлогъ, своимъ значеніемъ не противорѣчащій значенію мгновенности; такъ

(*) Мы не говоримъ о языкахъ сплеменныхъ.

напр. мы можемъ сказать: *припрыгну*, *спрыгну* и т. д. Этихъ отношеній предлоговъ къ глаголамъ подробнѣе мы здѣсь не разсматриваемъ. Присоединяемъ одно замѣчаніе. Когда неопредѣленная отвлеченная форма, будучи неупотребительною въ глаголѣ, занимаетъ мѣсто многократной формы, какъ отглагольное прилагательное, — то предлогъ, присоединяясь къ ней, даетъ ей вновь значеніе дѣйствія неопредѣленнаго, какъ обыкновенно многократной формѣ, и возстановляетъ ее; напр. неопредѣленное отвлеченное: *гараю* не употребляется; но говорится: *гаралъ* въ смыслѣ многократномъ; предлогъ, присоединяясь, возстановляетъ неопредѣленную форму: *с-гараю*. Это возстановленіе бываетъ даже и тогда, когда неопредѣленная форма вовсе, даже въ многократномъ смыслѣ, не употребляется или вышла изъ употребленія; напр. *росту*, *вы-росшаю*; также: *чту*, *по-читаю* (уважаю). При употребленіи же: *читаю* (lego), какъ неопредѣленной формы, предлогъ возводитъ ее въ однократную: *почитаю* (книгу). — Глаголъ: *люблю*, *излюбляю* (древняя форма) тоже можетъ служить примѣромъ. Предлогъ освобождаетъ, такимъ образомъ, отвлеченно предполагаемыя, сокровенныя формы глагола. Опять повторяемъ: личное значеніе глагола, смыслъ предлога и вообще разумъ слова является главнымъ основаніемъ въ нашемъ языкѣ, собственно въ области глагола, — и этой внутренней стороны покоряется употребленіе. Въ примѣръ такого вліянія смысла на формы приводимъ глаголъ: *бѣгу*. *Бѣгу* (отвлеченная форма—*бѣгаю*) не имѣетъ и не должно имѣть однократной формы; въ соединеніи съ предлогомъ: *при*, глаголъ этотъ образуетъ: *прибѣгу*, которое получаетъ значеніе однократной степени. Но какъ скоро глаголу: *прибѣгу* придается но-

вый отвлеченный смыслъ, онъ образуетъ, настоящую однократную форму: *прибѣгну*.

Мы должны указать здѣсь на замѣчательное отношеніе предлоговъ къ глаголамъ. Какъ скоро глаголъ въ неопредѣленной степени имѣетъ и существенную и отвлеченную формы: то предлогъ, присоединяясь къ формѣ существенной, образуетъ однократную степень, а присоединяясь къ формѣ отвлеченной, только придаетъ ей какъ бы дѣйствительность, не выводитъ изъ неопредѣленной степени, и такимъ образомъ дастъ ей значеніе неопредѣленной существенной степени, напр. *лечу*, *летаю*; *прилечу*, *прилетаю*. Въ иныхъ глаголахъ такой оттѣнокъ сопровождается оттѣнкомъ ударенія, какъ: *бѣгу*, *бѣгаю*; *прибѣгу*, *прибѣгаю*. Тоже самое видимъ мы, когда глаголъ выражаетъ обѣ неопредѣленныя степени и существенную и отвлеченную —тематическою формою, напр. *иду*, *хожу*; *несу*, *ношу*; *бреду*, *брожу* и т. д. Почему въ этихъ глаголахъ тематическая форма употреблена для неопредѣленной существенной и неопредѣленной отвлеченной степени,— на это отвѣтъ конечно есть; онъ лежитъ отчасти въ смыслѣ самихъ глаголовъ, но этотъ вопросъ теперь до насъ не касается.

Мы должны еще прибавить, что одинъ и тотъ же предлогъ, присоединяясь къ одному и тому же глаголу, придаетъ ему разный смыслъ, напр. *сбѣгаю*, и *сбѣгаю*. При этомъ видимъ мы, что измѣняется самое значеніе глагола, и онъ въ одномъ случаѣ принимаетъ значеніе однократнаго и будущаго, въ другомъ —значеніе неопредѣленнаго и настоящаго. Здѣсь мы могли бы указать на удареніе и имъ объяснить эту разницу; могли бы сказать, что первое *(сбѣгаю)* образовалось

изъ неопредѣленной степени: *бѣгаю*, а второе (*сбѣгаю*)— изъ многократной: *бѣгалъ*. Но хотя удареніе и можетъ иногда, какъ здѣсь, обозначать многократную степень, замѣняя *ыв, ив* и *в*, — что не мѣшаетъ, впрочемъ, образоваться и настоящей многократной формѣ: *бѣгивалъ*, — однако мы видимъ, что подобная разница (какъ въ *сбѣгаю* и *сбѣгаю*) бываетъ вовсе независимо отъ ударенія; она бываетъ и тогда, когда форма на *алъ (леталъ)* вовсе не служитъ замѣною многократной степени, напримѣръ: *слетаю* (и ворочусь), *слетаю* (съ дерева). И такъ здѣсь въ основаніи лежитъ не удареніе; — намъ кажется несомнѣннымъ, что основаніе такого различія есть самое значеніе прилагаемаго предлога, которое можетъ быть разнообразно. — Возможность этого разнообразія доказывается уже тѣмъ, что иной предлогъ требуетъ нѣсколькихъ падежей. Разнообразіе значенія, придаваемаго глаголу предлогомъ, соотвѣтствуетъ разнообразію требуемыхъ падежей. Приведемъ тотъ же примѣръ: *слетаю* и *слетаю*. *Слетаю*, въ однократномъ смыслѣ, значитъ: полечу и ворочусь; дѣйствіе является оконченнымъ и представляется, какъ мгновеніе. Здѣсь предлосъ *съ* опредѣляетъ дѣйствіе, придавая ему понятіе возвращенія самого на себя и вмѣстѣ оттѣнокъ мгновенности. *Слетаю*, въ неопредѣленномъ смыслѣ значитъ: лечу съ чего-нибудь; дѣйствіе является длительнымъ и остается въ своей неопредѣленности; здѣсь предлогъ *съ* опредѣляетъ лишь точку, откуда начинается дѣйствіе. — Значеніе однократной и неопредѣленной степени, а также будущаго и настоящаго времени, здѣсь вполнѣ понятно. Предлогъ *съ* въ первомъ значеніи: *слетаю*, есть предлогъ, требующій въ рѣчи творительнаго падежа, гдѣ *съ* означаетъ соединеніе, сомкнутость. *Съ* во второмъ зна-

ченіи: *слетаю*, есть предлогъ, требующій въ рѣчи родительнаго падежа, гдѣ обозначается точка, отъ которой идетъ движеніе: *съ дерева*. Тоже самое видимъ мы въ словахъ: *сбѣгаю* и *сбѣгáю* и пр., и пр. Отъ значенія глагола можетъ видоизмѣняться значеніе предлога, такъ напр. въ глаголѣ *скúдаю* (сброшу) и *скидáю* (платье) (въ *скидáю* глаголъ получилъ спеціальное примѣненіе къ одеждѣ; онъ имѣетъ всю возможность употребляться и въ другихъ смыслахъ, но употребляется рѣдко). Въ первомъ: *скúдаю* значеніе *съ* видоизмѣняется, и понятно: возвратнаго значенія, какъ *летаю*, *бѣгаю*, глаголъ: *кидаю* имѣть не можетъ; но оттѣнокъ оконченности, *совершенія*, удержанъ, и *скúдаю* значитъ буду кидать до чиста, пока ничего не останется.—Значеніе глагола вообще имѣетъ важное отношеніе къ значенію предлога и можетъ его ограничить или разширить. Такъ напр. глаголъ: *сдѣлаю*, по своему смыслу принимаетъ предлогъ *съ* только въ одномъ значеніи, въ творительномъ.—А въ глаголѣ: *сношу*, напротивъ, видны всѣ три значенія предлога *съ*. *Сношу* *съ* горы—*съ* над. родител.; *сношу* и вернусь—*съ*, над. творит.; наконецъ *сношу*, т.-е. будетъ по силамъ (это значеніе виднѣе въ: *снесу*, которое употребительнѣе, но смыслъ уже не совсѣмъ тотъ). Тутъ въ третьемъ случаѣ, предлогъ *съ* въ *сношу* требуетъ въ рѣчи винительнаго падежа: *со что*; здѣсь въ предлогѣ: *съ* выражается мѣра, сравненіе, напр. это будетъ *съ* аршинъ. Такое соотвѣтствіе находимъ мы между многопадежными предлогами въ значеніи ихъ при глаголахъ и въ управленіи падежами; но мы должны прибавить, что разнообразіе значенія предлога въ соединеніи съ глаголомъ, соблюдается и тогда, когда въ рѣчи предлогъ требуетъ одного падежа,

напр. *про* требуетъ только винительнаго падежа, между тѣмъ значеніе его при глаголѣ разнообразно. Въ глаголѣ *проношу*, въ значеніи однократномъ (*проношу платье цѣлый годъ*), *про* есть предлогъ, требующій, по нашему мнѣнію, въ рѣчи винительнаго падежа. *Про*, въ *проношу*, въ значеніи неопредѣленномъ, (*проношу сквозь огонь*), не имѣетъ въ рѣчи соотвѣтствующаго падежа. Какъ это объяснить: предположить ли, что значеніе это не довольно явственно для требованія падежа, или что предлогъ утратилъ падежъ, — этого вопроса теперь мы не рѣшаемъ. Прибавимъ, что разнообразіе значенія предлоговъ остается и тогда, когда нѣтъ такой ощутительной разницы въ самомъ употребленіи, какая въ: *слетаю* и *слетаю*, — остается даже и въ предѣлахъ одной степени; такъ напр. *снесу*, во всѣхъ трехъ значеніяхъ, употребляется въ однократной степени. Это разнообразіе можетъ даже раздѣляться между степенями; напр. *спрыгиваю*, съ чего-нибудь; *спрыгаю*, куда-нибудь и вернусь. Всѣ дальнѣйшія подробности оставляемъ въ сторонѣ; имъ мѣсто въ полной грамматикѣ или въ особомъ цѣломъ разсужденіи о глаголахъ.

Мы видимъ, что значеніе самихъ предлоговъ, въ соединеніи съ значеніемъ глаголовъ, имѣетъ огромное вліяніе на спряженіе глаголовъ сложныхъ. Изъ двойнаго значенія предлоговъ и глаголовъ объясняется, почему не употребляется та или другая форма глагола, и также, отъ чего можетъ явиться неупотребительная форма. Личное значеніе въ глаголѣ, какъ сказали мы, много значитъ; въ слѣдствіе какого-нибудь оттѣнка, выступающаго по причинѣ особыхъ условій, или даже произвольно, — можетъ явиться неупотребительная форма.

Въ заключеніе скажемъ, что значеніе внутреннее, духъ, мысль слова занимаютъ первое мѣсто въ нашемъ языкѣ вообще. Въ области имени, въ области предмета,— эта внутренняя сторона выразилась въ твердыхъ, постоянныхъ формахъ; въ области глагола, въ области дѣйствія, эта внутренняя сторона принимаетъ значеніе личности, и поэтому такъ подвижны и измѣнчивы, служащія ей, формы глагола.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

№ 1.

Нашъ языкъ обратилъ особенно зоркое вниманіе на слѣдующее важное различіе въ глаголахъ: дѣйствіе, ими означаемое, представляется возможнымъ только, или происходящимъ въ данной кратъ времени. Другими словами: подлежитъ ли дѣйствіе мысли (представленію, воспоминанію), или подлежитъ ощущенію. Мысли представляется дѣйствіе (движеніе), составляющее природу предмета, или обычай, вторую природу: ощущенію дается дѣйствіе, какъ особое явленіе. Обязанность выражать этимологически это различіе нашъ языкъ возложилъ на указанныя формы глаголовъ, — и вотъ какъ выполняютъ они его обязанность.

Дѣйствіе *ощутимое* (опредѣленное) любитъ форму краткую, спряженіе быстрое, и потому глаголъ для его означенія сокращаетъ свою этимологическую форму; наоборотъ, для означенія дѣйствія мысленнаго (неопредѣленнаго), глаголъ разширяетъ свою форму и переходитъ въ классъ, гдѣ образовательный характеръ сильнѣе. Этотъ оригинальный символизмъ проходитъ черезъ всю систему глаголовъ, и пользуется всѣми возможными средствами. Гласныя, затаенныя въ сокращенной формѣ, вдругъ выходятъ наружу, или появляются новыя, и вообще оспляется весь вокализмъ глагола.

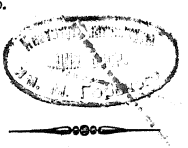
Не всѣ глаголы нуждаются во всестороннемъ развитіи своего характера. Они увольняются отъ того самою сущностью своего значенія, другихъ до того не допускаетъ врожденная негибкость ихъ характера. Въ семъ-то послѣднемъ случаѣ появляются различные предлоги и частицы. Но мы, оставляя предлоги въ сторонѣ, будемъ имѣть здѣсь въ виду только внутреннія различія въ образованіи глаголовъ.

Къ опредѣленному и неопредѣленному виду дѣйствія примыкаютъ представленія однократности и многократности, или лучше отдаленности дѣйствія. Для означенія однократности, глаголы появляются въ формѣ 2-й, 3-й. Для означенія отдаленности дѣйствія, глаголы разширяютъ свою форму въ классѣ 5-мъ.

№ 2.

Прекрасно опредѣляетъ время св. Дмитрій Ростовской въ своемъ розыскѣ о Брынской вѣрѣ слѣдующими словами: «Время есть мѣра видимаго сего міра и жизни нашея, и всѣхъ дѣемыхъ въ поднебесной, по Божію усмотрѣнію, мѣримая денми, мѣсяцами, лѣтами, вѣками сотенными и вѣками тысящными. Дѣлится же время на три части: на мимошедшее, настоящее и будущее. Мимошедшее время вѣмо яко бѣ, но уже прейде и погибе, ниже бо возвратится когда. Будущаго же времени чаемъ, но не вѣмы, каково то̀ будетъ. Настоящее же мнится имѣти, но ни сего имамы, кромѣ единаго краткаго часца, глаголемаго *нынѣ*. Нынѣ есть и абіе нѣсть, прейде бо. Паки ино настаетъ *нынѣ*, паки и то преходитъ: яко же въ дѣлаемыхъ и настрояемыхъ часахъ минуты, едина по друзѣй идетъ не становяся: и яко же въ текущей колесницы колесо не

стоитъ на единомъ мѣстѣ, но съ мѣста на мѣсто течетъ неудержаваемо: сице настоящее жизни нашея *нынѣ* нѣсть стоѩщо, но непрестанно текущо. И есть то наше *нынѣ* аки предѣлъ между мимошедшимъ и грядущимъ временемъ: мимошедшее окончаваяй, грядущее же начинаяй. И аки въ книзѣ и строчкѣ точка между реченіями раздѣляющая, едино реченіе оканчающая, другое же начинающая. Но точка на единомъ стоитъ мѣстѣ, наше же настоящее время, глаголемое *нынѣ* не вѣсть стояти, но выну течетъ, аки капля нѣкая внизъ текущая и черту по себѣ оставляющая, на предняя же простирающая, донелѣже оскудѣетъ и изсхнетъ».



ФУНДАМЕНТАЛЬНАЯ
БИБЛИОТЕКА
Общественных Наук
Академии Наук СССР